

ДИСКУССИИ И ОБСУЖДЕНИЯ

Круглый стол *«Литература и фольклор в историческом и типологическом аспектах»*

© 2012

Е. В. Душечкина

РУССКАЯ ЕЛКА: PRO ET CONTRA

В данной работе речь пойдет о том, как преобразуется природный растительный объект при наложении на него той или иной ритуальной схемы. Из объекта безразличного он превращается в значимый, ритуальный. Став ритуальным объектом, он начинает играть определенную роль в традиционной культуре, где со временем по той или иной причине может начать использоваться в других ритуалах, изменив при этом приобретенные им ранее мифологические смыслы. Такие изменения могут происходить неоднократно, вызывая принятие со стороны одних членов общества и противодействие — со стороны других.

Предмет, на который будут направлено наше внимание — дерево ель, то есть природный растительный объект, который, став объектом ритуальным, не раз меняя свои мифологические значения на протяжении своей истории в русской культуре, подвергался оценочной трансформации. В этом отношении елка может послужить примером изменчивости и противоречивости в восприятии одного и того же ритуального объекта.

В восточнославянской культуре, а затем у русских, ель была наделена определенными мифологическими смыслами. Произрастая по преимуществу в сырых и болотистых местах, называвшихся в ряде губерний «елками», это дерево с темно-зеленой колючей хвоей, неприятным на ощупь, шероховатым и часто сырым стволом (с которым иногда сравнивали кожу бабы-яги)¹ не пользовалось особой любовью, что, видимо, и обусловило его связь с образами низшей мифологии. Елка считалась «деревом смерти», о чем свидетельствуют многие факты: использование еловых ветвей в похоронном обряде, запрет на посадку ели около дома, запрет на постройку домов из еловой древесины, обычай захоронения самоубийц между двумя елями и ряд др. Некоторые из этих представлений (в частности, использование ели в похоронном обряде) живы до сих пор. Смертная символика ели была усвоена и советской властью, когда ель стала деталью официальных могиль-

Душечкина Елена Владимировна — доктор филологических наук, профессор кафедры истории русской литературы филологического факультета Санкт-Петербургского государственного университета. E-mail: dushechkina@yandex.ru

¹ Власова 1998, 574.

ников, прежде всего — Мавзолея Ленина, возле которого были посажены серебристые норвежские ели.

На рубеже XVII и XVIII вв. традиционная символика этого дерева была резко нарушена Петром I, который по возвращении из Европы, устроил «переворот, вплоть до перемены календаря». Согласно его указу от 20 декабря 1699 г., предписывалось вести летоисчисление не от сотворения мира, а от Рождества Христова, а день «новолетия», отмечавшийся на Руси 1 сентября, перенести на 1 января. В этот день велено было пускать ракеты, зажигать огни и *украсить* столицу (тогда еще — Москву) хвоей, поставив «украшения от древ и ветвей сосновых, еловых и можжевелевых...»². Так, елка, дерево, связанное с «нижним миром», впервые в русской практике оказалось в ряду ритуальных объектов праздника новолетия. Украшения из хвои предписывалось устанавливать снаружи: на воротах, на улицах, на крышах домов. Елка, таким образом, вводилась как деталь новогоднего городского пейзажа, а не рождественского интерьера, чем она стала впоследствии. Для Петра важна была как *эстетическая* составляющая (дома и улицы велено было *украсить* хвоей), так и *символическая*: декорации из хвои следовало создавать в *ознаменование* Нового года. Трудно представить себе новогоднюю Москву 1 января 1700 г., разукрашенную хвоей, как бы превратившей ее в «город мертвых».

Может быть, именно поэтому царские предписания вскоре были забыты, сохранившись лишь в убранстве питейных заведений. По установленным на крышах елкам опознавались кабаки, которые стали называть «елками». А ввиду склонности к замене «алкогольной» лексики эвфемизмами, практически весь комплекс «алкогольных» понятий приобрел «елочные» дуплеты: «елку поднять» — пьянствовать; «идти под елку» — идти в кабак; «елкин» — состояние алкогольного опьянения и т.п. Эта возникшая связь елки с темой пьянства привела к тому, что петровское предписание, не изменив в принципе символики ели, лишь придало ей дополнительные коннотации. Замечу также, что звуковая переключка спровоцировала сближение слова «ёлка» с рядом нецензурных слов, породив эвфемизмы типа «ёлки-палки», «ёлки-моталки», «коего тебе ёлса нужно» и т.п.³. Весь этот смысловой комплекс, закрепившийся за елью в русском сознании, не давал, казалось бы, оснований для превращения ее в положительно окрашенный ритуальный объект. Но, тем не менее, это произошло.

С елкой как с ритуальным атрибутом *рождественской* обрядности, мы встречаемся в России только в начале XIX в. Знакомство русских с елкой как с *рождественским деревом* произошло благодаря петербургским немцам. Именно «немецкая» елка (к этому времени уже превратившаяся в «дерево Рождества», Weihnachtsbaum), стала усваиваться и русскими. С этих пор еловое дерево, начав использоваться в русском рождественском ритуале, превратилось в главную принадлежность и в центр семейного праздника Рождества.

Освоение в России нового ритуала поражает своей стремительностью. Если в начале 1830-х гг. о елке еще говорили как о «милой немецкой затее», то в конце этого десятилетия она становится в столице широко известной. В середине века

² Устрялов 3, 1858, 349.

³ Филин 8, 1972, 343–344.

из Петербурга, ставшего рассадником елки, она распространяется по губернским и уездным городам, а затем — и по дворянским усадьбам.

В процессе усвоения елки как рождественского атрибута, в сознании русских совершалась эстетическая и эмоциональная переоценка этого дерева, менялось отношение к нему, создавался образ, ставший основой нового культа. При создании культа происходят кардинальные изменения в отношении к предмету поклонения, что сказывается на всех аспектах его восприятия — эстетическом, эмоциональном, этическом, мифологическом. Эти изменения прослеживаются на примере образа ели.

До тех пор, пока ель не стала использоваться в рождественском ритуале, пока праздник в ее честь не превратился в «высоко поэтический обычай рождественской елки», она, как отмечалось выше, не вызывала у русских острых эстетических переживаний. Но принятая в качестве обрядового дерева, устанавливаемого в доме на Рождество, ель превратилась в положительно окрашенный ритуальный объект. Она вдруг преобразилась: пирамидальная форма, стройный ствол, вечнозеленый покров, смолистый запах — все это в соединении с праздничным убранством, горящими свечами, ангелом или звездой, венчающими верхушку, способствовало превращению ее в образ эстетического совершенства, создающий особую атмосферу — атмосферу присутствия Елки. Ее стали называть «светлой», «чудесной», «великолепной», «стройной вечнозеленой красавицей». Обретенная елкой красота дополнялась ее «нравственными» свойствами: висящие на ней сласти, лежащие под ней подарки, превращали ее в бескорыстную дарительницу.

Возникновение нового культа неизбежно приводит к символизации его объекта. Если Петр вводил хвойную растительность в «ознаменование» Нового года и в «знак веселия», то есть в качестве элемента декора *светского* праздника, где религиозная функция отсутствовала, то с XIX в. ель приобретает христианскую символику. Русская елка, как и на Западе, становится «Христовым деревом». Свойство быть всегда зеленой способствовало превращению ее в символ «неувядающей, вечнозеленой, благостыни Божией», нравственного возрождения, приносимого рождающимся Христом.

Однако принятие в России западных представлений о рождественской елке привело к тому, что ее образ приобрел двойственный характер: оставаясь в народном сознании соотносимой с «нижним миром», продолжая использоваться в похоронном ритуале, ель оказалась связанной с темой Рождества. Поэтому отношение к ней не было единодушным, вызывая споры о правомерности устройства праздника в ее честь.

Приверженцы русской старины видели в елке очередное западное новшество, посягающее на национальную самобытность. Она вызывала раздражение неорганичностью своего вторжения в народный святочный обряд, который, как считалось, нужно бережно сохранять во всей его неприкосновенности.

Распространению праздника елки и процессу его христианизации препятствовала и Православная церковь. Церковные власти стали серьезным противником елки как иноземного (западного, неправославного) и к тому же языческого по своему происхождению обычая⁴. Запреты церкви на устройство елки сопровож-

⁴ Розанов 1, 1906, 152.

ждали ее на протяжении всей ее дореволюционной истории. Вплоть до 1917 г. Св. Синод издавал указы, запрещавшие устройство елок в учебных заведениях.

Выступали против елки и защитники русского леса. В 1870-е гг. в печати прошла «антиелочная кампания», инициаторы которой, тогдашние экологи, ополчились на этот обычай, рассматривая вырубку тысяч деревьев перед Рождеством как настоящее бедствие. Некоторые противники елки, сожалея о напрасно истраченной древесине, выдвигали на первое место экономические проблемы: «А на елку не мешало бы и проклятие наложить! Ведь эти елки такая ... пустая трата леса!» — восклицал И. Гончаров⁵.

Не была принята елка и в крестьянской избе. Крестьяне продолжали отмечать святки согласно установившимся издавна обычаям. Для них елка была «барской забавой». Первые случаи «иноземного нововведения» в помещичьих усадьбах встречаются дворней насмешками. Были даже попытки изломать и выбросить эту «немкину затею»⁶. Крестьяне ездили в лес только за елками для своих господ (как чеховский Ванька со своим дедом) или же для того, чтобы нарубить их на продажу в городе.

Отрицательное отношение к елке вызывало возражение у части педагогов и писателей, стремившихся отстоять ее и найти ей оправдание. В полемике по вопросу о правомерности устройства праздника елки ее сторонники встали на защиту этого, как они писали, «прекрасного и высокопоэтического обычая», который, по их мнению, «следовало бы поддерживать и распространять...»⁷. Благодаря их усилиям елка вышла победительницей в борьбе со своими противниками. Новый обычай оказался столь притягательным, что отменить его не удалось. Стремясь оправдать смерть дерева высоким предназначением, которое оно выполняет на празднике Рождества, защитники елки возвеличивали ее как объект, который, подобно Христу, приносит себя в жертву.

Наблюдая за полемикой, которая велась вокруг елки с середины XIX в., можно увидеть, как параллельно с утверждением этого дерева в качестве рождественского символа намечается тенденция, свидетельствующая о поисках компромисса в вопросе о елке. Проявляется стремление связать праздник елки с русской народной культурой. Инициатива принадлежала людям, с одной стороны, лояльным к православной церкви, а с другой — не хотевшим лишать детей полюбившегося праздника. Так началась работа по созданию новой елочной мифологии, где образу елки придавался как бы «исконный», фольклорный (точнее сказать — псевдофольклорный) характер. В последней трети XIX в. литература начала «насыщать» елку новыми значениями, связывая ее с придуманными персонажами новогодней детской мифологии. Думается, что именно этот слой псевдонародной «елочной» мифологии в наибольшей степени способствовал укоренению елки в русской культуре.

В новом для нее мире елка, продолжая оставаться сезонным растительным символом, связывалась не столько с Рождеством, сколько с Новым годом и зимой, а пространственно — с лесом. В рамках этого мифа ее приносил не Младенец Иисус, а Дед Мороз или Святоточный дед. Тем самым елка превращалась в посланни-

⁵ Гончаров 1953, 102.

⁶ Марков 1875, 197–198.

⁷ Кайгородов 1888, 1.

цу русского зимнего леса. На ее ветвях появились имитирующая снег вата, блестящие, изображающие иней, шишки, грибочки и прочие лесные атрибуты. Вокруг нее закружились «снежинки» — одетые в белые платица девочки. На праздник к детям стало приходить лесное зверье: зайчики, белочки, ежики, медведи. Начинают оформляться такие «елочные» персонажи, как Дед Мороз, Снегурочка, Зима, Метелица, образы Старого и Нового года⁸.

К концу XIX столетия елка окончательно вписалась как в домашний праздничный интерьер, так и в рождественский городской пейзаж. Утвердилось представление о том, что она испокон веков была принадлежностью русского Рождества: «Елка в настоящее время так твердо привилась в русском обществе, что никому и в голову не придет, что она не русская», — писал В. В. Розанов⁹. Так думали многие: привычность устройства на Рождество елки привела к тому, что этот ритуал стал восприниматься как исконный, народный по своему происхождению.

И только война с Германией, напомнив о немецком происхождении обычая рождественского дерева, спровоцировала утихшие «антиелочные» настроения. Существенных результатов, однако, подобные акции не имели: елка к этому времени уже прочно укоренилась на русской почве.

Бытует мнение, что советская власть запретила елку сразу после Октябрьского переворота. Однако это не так. Вначале она на елку не посягала. Более того, создавая новые календарные ритуалы, советские идеологи использовали элементы традиционных обрядов и ритуальных объектов в своих целях. Поэтому елка и фигурирует на т.н. «комсомольском рождестве», что продержалось в течение нескольких послереволюционных лет.

Любопытное явление в восприятии елки наблюдается в среде эмигрантов первой волны. Для них елка, относительно недавно завоевавшая Россию, оказалась в одном ряду с самыми дорогими утраченными ценностями. Эта метаморфоза, произошедшая с елкой, которую еще менее века тому назад называли «немкиной затеей», привела к тому, что именно она, запечатлеваясь в сознании людей, покинувших Россию, как едва ли не самое яркое ежегодное событие детских лет. Она превратилась в один из главных символов утраченной родины. Воспоминания о России возрождали в сознании эмигрантов картины прошлого — в том числе и столь полюбившейся елки. И. С. Шмелев в книге «Лето Господне», восстанавливая в памяти дореволюционное русское Рождество, пишет о елке не только как об обязательном рождественском атрибуте, но и как о наиболее характерной особенности именно русского Рождества, а для писателя — единственно истинного. «А какие елки! Этого добра в России сколько хочешь. Не так, как здесь, — тычинки. У нашей елки... как отогреется, расправит лапы, — чаща», — писал он¹⁰. Так елка превратилась в устойчивый ностальгический образ эмигрантской литературы.

Тем временем в Советской России со второй половины 1920-х гг. власти вступили на путь борьбы с «религиозными предрассудками». Праздник Рождества был отменен. Вместе с этим отменялась и елка, уже прочно сросшаяся с ним. Елка, против которой когда-то выступала Православная церковь, теперь стала на-

⁸ Душечкина 2001, 253–262.

⁹ Розанов 1, 1906, 152.

¹⁰ Шмелев 1988, 98.

зываться «поповским» обычаем. Газеты обличали руководство городов и сел, где устраивались елки; писатели ополчились на елку как на «старорежимный» религиозный обычай; детские журналы осуждали и высмеивали детей, мечтавших о елке: «Долой елку и связанный с нею хлам». А. Введенский в стихотворении «Не позволим!» писал: «Не позволим мы рубить / молодую елку, / не дадим леса губить, / вырубать без толку. / Только тот, кто друг попов, / Елку праздновать готов! / Мы с тобой — враги попом, / рождества не надо нам»¹¹.

В эти критические в судьбе елки годы казалось, что ей пришел конец. Но всё же полностью искоренить полюбившийся обычай так и не удалось: елка «ушла в подполье», ее устраивали тайно.

И вдруг на исходе 1935 г. в «Правде» появляется заметка кандидата в члены Политбюро ЦК ВКП(б) П. Постышева: «Давайте организуем к Новому году детям хорошую елку!», где автор предлагает «положить конец» «неправильному осуждению елки» и призывает комсомольцев и пионерработников в срочном порядке устроить под Новый год елки для детей: «В школах, детских домах, дворцах пионеров... — везде *должна быть* детская елка! *Не должно быть* ни одного колхоза, где бы правление <...> не устроило бы накануне Нового года елку для своих ребятишек»¹².

В результате дореволюционный обычай был как бы возрожден. Но теперь елка называлась не рождественской, а новогодней или просто — советской: «Итак, давайте устроим хорошую *советскую елку* во всех городах и колхозах»¹³.

На первый взгляд, возвращение «старорежимного» ритуального объекта в эпоху 1930-х гг. может показаться странным. Но реабилитация елки свершилась через месяц после того, как на I Всесоюзном совещании стахановцев Сталин произнес знаменитую фразу «Жить стало лучше, товарищи. Жить стало веселее». Елка, как и многое другое в дореволюционной культуре, могла послужить укреплению победившего режима, возвращая людям привычные радости жизни. Но елка была не столько возрождена, сколько превращена в новый праздник, получивший четкую формулировку: «Новогодняя елка — праздник радостного и счастливого детства в нашей стране».

Как ранее осуждались люди, устраивавшие елки, так теперь высмеивались «бюрократы», мешающие «людям веселиться» вокруг елки. Елка была поставлена на службу советской власти, став ритуальным объектом государственного праздника Нового года. Ее превращению в один из советских символов способствовала и ее архитектоника, напоминающая башни московского Кремля, и звезда на ее верхушке, превратившаяся из Вифлеемской в пятиконечную, ассоциирующуюся со звездами, горящими на башнях Кремля.

На деле же елка оказалась исключительно гибким ритуальным объектом, и на протяжении многих лет она сумела оставаться желанной самым разным людям и горячо любимой ими. Во время войны, в труднейших условиях, взрослые при мало-мальской возможности старались устроить для детей елку. Она становилась символом мирной семейной жизни и напоминанием о ней. Сохранилось множество свидетельств об устройстве елки в ГУЛАГе и в ссылке. Такие елки

¹¹ Введенский 1931, 6.

¹² Постышев 1935, 3.

¹³ Постышев 1935, 3.

превращались в символ надежды на встречу с близкими, веры в то, что счастье и справедливость существуют. Тем самым, несмотря на идеологизацию елки как ритуального объекта, в течение нескольких послевоенных десятилетий Новый год, всегда встречавшийся с елкой, был единственным праздником, в наименьшей степени включавшим в себя черты советской государственности.

Современная елка, с мифологией которой за последние два десятилетия произошли серьезные изменения, требует специального изучения.

ЛИТЕРАТУРА

- Введенский А. И.* 1931: Не позволим! // Чиж. 12, 6.
Власова М. Н. 1998: Русские суеверия: Энциклопедический словарь. СПб.
Гончаров И. А. 1953: [Рождественская елка] / Публ. и коммент. Л. М. Добровольского // Лит. архив. 4, 99–106.
Душечкина Е. В. 2001: Дед Мороз: этапы большого пути (К 160-летию литературного образа) // Новое литературное обозрение. 47, 253–262.
Марков Е. 1875: Барчуки. Картины прошлого. СПб.
Кайгородов Д. М. 1888: О рождественских елках // Новое время. 4608, 1.
Постышев П. П. 1935: Давайте организуем к новому году детям хорошую елку! // Правда. 357, 3.
Розанов В. В. 1906: Около церковных стен: в 2-х т. СПб.
Филин Ф. П. (ред.) 1972: Словарь русских народных говоров. Пермь.
Устрялов Н. Г. 1858: История царствования Петра Великого: в 6 т. СПб.
Шмелев И. С. 1988: Лето Господне. М.

© 2012

А. Ф. Белоусов

ОТ ПРОИСШЕСТВИЯ — К ФОЛЬКЛОРУ: ЛЕНИНГРАДСКИЕ ПЕСНИ-ХРОНИКИ 1920-Х ГОДОВ

25 мая 1925 г. в вечернем выпуске ленинградской «Красной газеты» была опубликована заметка «Убийство девочки на Митрофаньевском кладбище»:

Вчера в 6 час^{ов} веч^{ера} гр^{ажданин} Чеботарев, проходя по Митрофаньевскому кладбищу¹, обратил внимание на надмогильный ящик в конце «немецкой дорожки», из которого виднелись чьи-то ноги.

Белоусов Александр Федорович — доцент кафедры литературы и детского чтения Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусств. E-mail: afbelousov46@yandex.ru

¹ Митрофаньевское кладбище — одно из самых больших петербургских кладбищ. Находилось между железнодорожными линиями к Балтийскому и Варшавскому вокзалам. Закрыто в 1927 г. и впоследствии почти полностью уничтожено. См.: Кобак 1993, 558–560.